

И ю н ь 2 0 0 3 г.

Письмо Мити от 5 июня 2003 г.

Привет!

Начало лета у нас жаркое, температура приближается к тридцати градусам. Нам, правда, пока некогда наслаждаться погодой и проводить время на пляже. На прошлой неделе мы начали ремонт в квартире. Состоит он, собственно, в покраске всех стен и потолка, которая не производилась, наверное, лет пять. Помимо этого мы хотим перебрать все вещи, избавиться от ненужного, немного поменять обстановку.

Начали мы ремонт в прошлый четверг (он здесь выходной), но четырёх дней нам не хватило, так как разборки вещей занимают очень много времени. Полностью сделали только спальню (и переставили там мебель), а также ванную и коридор, а осталась половина большой комнаты. Мы ликвидировали полки в коридоре, и хотим купить новые в ИКЕА. В промежутках между разборками выбирались к Гале с Вальдемаром (у неё недавно день рождения был), а также на Майнау (сейчас там выставка амарилисов и лилий, а также начало сезона роз).

На этой неделе доделываю ремонт, но из формы меня выбил визит к зубному врачу. Дело в том, что на прошлой неделе у меня сломался мой старый молочный зуб (внизу справа), под которым уже давно вырос постоянный. Отлетела, наверное, треть зуба. В понедельник я ходил к зубному, и он настойчиво посоветовал удалить остатки. Я решился, и во вторник утром снова был у врача. Верхняя часть отломилась у него быстро, а вот корень он вытащить не смог, как с ним не возился. Отправил меня к хирургу, и тот сумел-таки этот корень вытащить, при этом ему пришлось буквально вырубать (выфрезовать) его из кости, так он крепко с ней сросся. Для этого они разрезали также десну, так что возни там было много. Несмотря на три анестезирующих укола, ощущение, особенно под конец, было весьма неприятное. Щека после этого распухла (они говорят, что так и должно быть), я прикладываю к ней лёд и ем только йогурты. Потихоньку положение всё-таки улучшается. Во вторник должны снять швы, а потом предстоит ещё наложить специальную пластину, чтобы вытянуть зуб, который находился под молочным, в нормальное положение.

На работе в основном занимаемся экспериментами с эндотелиальными клетками – для статьи ещё не хватает данных, и эксперименты получаются, честно говоря, редко. Слишком много параметров должно сойтись, чтобы получилась приемлемая для публикации картинка. Но для презентации в Барселоне материала уже хватает. В Барселону еду я всё же один. Добираться буду на автобусе (самый дешёвый вариант), а там буду с 28 июня по 4 июля. Из этого времени четырьмя дня буду делить номер с ещё одним участником конгресса – русским из Америки.

Вот такие наши основные новости.

Крепко целуем.

Митя, Лена.

Моё письмо Мите от 6 июня 2003 г.

Здравствуйте, дорогие Митя и Леночка!

Надеюсь, рана в Митиной челюсти уже зажила или, по крайней мере, заживает. У меня, кстати, последний молочный зуб во рту оставался в возрасте где-то далеко за тридцать. Теперь же из своих только два зуба мудрости присутствуют.

Позавчера я прилетел из Калининграда, чёрный как негр. Неудобно даже на кафедре – где это он так в командировке загорел?

Туда я ехал поездом через Питер, заскочил буквально только на часик к тётке Тамаре в Сестрорецк, оставил ей финансовую поддержку. Она, конечно, целыми днями на своей даче пропадает, никак наверху ремонт не может закончить.

В Калининград я прибыл вечером в воскресенье 25 мая, а со следующего утра начал бегать, главным образом, по Гришиным делам с забегами, разумеется, в кирху.

Семинар в этот раз не собирали, хотя я и предлагал. Пообщался в кирхе с Кореньковым и был весьма удивлён и огорчён его реакцией на материалы, которые я специально для его (бывшей моей) лаборатории привёз в Калининград.

В прошлый мой приезд, когда я выступал у них на семинаре, разгорелся спор между мной, Фёдей Бессарабом и Володей Клименко по поводу некоего эффекта (существования ночного среднеширотного максимума электронной концентрации в ионосфере и плазмосфере Земли), обнаруженного нами в наших модельных расчётах и в некоторых опубликованных экспериментальных

данных. Маша Князева у меня этим занимается. Я предложил физическую интерпретацию эффекта – он есть результат воздействия термосферного ветра.

Почему-то местный народ как-то нервно отреагировал на это моё сообщение. Особенно Федя горячился: - Это у вас ошибка в программе! У нас раньше тоже такое получалось, а потом Володя Клименко нашёл ошибку и этот эффект исчез!

Сам Володя про ошибку ничего не говорил (почему он нам о ней не сообщил в своё время?), но на пару с Кореньковым подвергал сомнению наличие пресловутого максимума в наблюдениях: это, мол, какие-то случайные флуктуации, а не устойчивое явление. А у меня в тот раз, действительно, убедительных экспериментальных свидетельств с собой не было.

Теперь же я привёз этих свидетельств кучу целую, а он морду кривит: - А, фигня всё это, мол, не верю!

Смотреть даже не хочет, учёный тоже! И народ ему собрать на семинар очень трудно – все на занятиях, подрабатывают, кто где может... Я разозлился аж: - Юра! Я, что, напрашиваюсь к вам на семинар? Трудно, так ради Бога, не напрягайтесь! Мне ведь тоже неинтересно в терминах «верю – не верю» дискуссии вести. Если захотите серьёзно что-либо пообсуждать, я всегда готов – приглашайте, но навязываться не собираюсь.

А потом Шагимуратов показал мне целую стопку бумаг с графиками широтных зависимостей полного электронного содержания в ионосфере и плазмосфере, построенными по данным геопозиционных спутников, и на всех них пресловутый ночной среднеширотный максимум прекрасно виден! Хороши наши модельеры калининградские – лень на второй этаж спуститься, у коллег экспериментальные данные посмотреть! Шагимуратова они, видите ли, терпеть не могут!

Я эти данные Феде показал и Суроткину, которого случайно на Голубых озёрах встретил (он туда на огород свой ездит), а с Кореньковым так и не встречался больше. Но он мне сам позвонил перед моим отлётом и говорит: - Мы вот тут только в пятницу смогли собраться и решили тебе наше письменное возражение составить: это не эффект ветра!

Я рассмеялся: - Ну, слава Богу, хоть не отрицаете теперь, что «это» существует! А что касается физической интерпретации, то она не словесными баталиями, а модельными расчётами доказывается. Вот мы проведём численные эксперименты по отключению ветров и посмотрим – исчезнет максимум или нет, тогда и продолжим дискуссию.

А теперь про Гришины дела.

Наконец-то я увидел своими собственными глазами, что же там Гриша такого наподписывал. О-ля-ля!

Но по порядку.

С утра в понедельник, 26-го мая я появился у вернувшейся из отпуска нотариуса Комаровой (забыв, кстати, дома свой паспорт), которая назначила мне время на после обеда. Приехав во второй раз, уже с паспортом, я, расписываясь в получении нужных мне документов, обнаружил, что мне дают не то, что я заказывал: свидетельство о праве наследования Тамары Сергеевны после смерти моего отца, но не на квартиру, а на земельный участок в Отважном! Оно мне в общем-то тоже было нужно, но в первую очередь я собирал-то квартирные документы!

Пришлось мне к Комаровой в третий раз приезжать, к концу этого же дня, и ещё денежки заплатить. Теперь у меня было всё, что нужно для получения техпаспорта на квартиру в БТИ, куда я и отправился уже на следующее утро. А там меня ждал сюрприз: - Квартира-то Ваша арестована по иску к должнику Костюченко Г.В.! Езжайте к судебному приставу-исполнителю на Аллею Смелых к мясокомбинату.

Я туда. Нужный мне пристав оказалась в отпуске, а заменявшая её велела придти завтра с утра. Я в Зеленоградск, на море, один, без Алексея, который всю неделю развлекался с классом по экскурсиям. Полежал на песочке, а в воду не совался – никто не купается, вода холодная. Вечером же побывал на футболе: «Балтика» - «Лисма-Мордовия» (Саранск) 4:0 (Павел Погребняк – 2, Андрей Дементьев – 2). «Балтика» поначалу играла неважно и чуть не пропустила гол - от штанги мяч попал в другую штангу, от неё к саранцу, который с трёх метров пробил выше ворот. А потом разыгралась и голы забила красивые, Дементьев – один со штрафного.

Утром в среду я поехал сначала опять на Аллею Смелых, где мне сообщили, в каком суде - Балтийского района - находится дело по иску к Костюченко и номер этого дела. Поехал в суд и там в канцелярии узнал у какого судьи – Кузнецовой Нелли Ивановны – находится Гришино дело. И судья на месте оказалась – толстенная тётка лет за шестьдесят еврейской наружности. Вот она-то мне и показала то, что Гриша подписал.

Гриша называл это «договором о намерениях» и всячески отрицал, что брал под расписки какие-либо деньги. То же, что показала мне судья, являлось договором об обязательстве Костюченко Г.В. по вступлении его в право наследования продать Тамаре Александровне Дерябиной (а никакой не Кузиной) квартиру, задаток за которую в размере триста тысяч рублей, **что составляет полную продажную стоимость квартиры, он получил, а в случае отказа от исполнения данного договора о продаже обязуется вернуть задаток в двойном размере.** Вот так. И никаких встречных обязательств со стороны

Дерябиной. Гриша квартиру уже продал менее чем за десять тысяч долларов и деньги сполна получил, о чём свидетельствует нотариально заверенная Гришина подпись.

Гриша подписал ещё и доверенности Дерябиной на введение его в право наследования и на продажу квартиры, так что ей Гриша более ни для чего нужен не был бы, если бы он не отправил из Мурманска (по настоянию его жены Люси) нотариально заверенный отказ от этих доверенностей. Дерябина правильно расценила отказ от этих доверенностей как отказ от исполнения договора и подала на Гришу в суд с иском на сумму в шестьсот тысяч рублей. Но в суде дело было приостановлено из-за отсутствия Гриши. Квартира повисла в воздухе.

Она числится собственностью умершей Тамары Сергеевны, а Гриша её законный наследник, но не вступивший юридически в право наследования, а, следовательно, и не имеющий права квартиру продать. Я имею доверенность от Гриши на введение его в право наследования и на продажу квартиры, но не могу это сделать, потому что квартира арестована.

Судья я представился как Гришино доверенное лицо, показал его доверенности и рассказал все известные мне (в основном, со слов Гриши) перипетии этого дела. Показал ксерокопию заметки в «Калининградской правде» с фотографией Гриши на диване, его письма в УБОП и нотариальную палату, его отказ от всех документов, подписанных ранее под угрозой якобы физической расправы. Оставил судье (по её просьбе) копии всех этих бумаг, которые она приобщила к делу. Рассказал о том, что квартира Тамары Сергеевны занята неизвестными людьми, хотя прописан в ней только Гриша, о несостоявшейся моей встрече с Дерябиной, о моём безрезультатном обращении в милицию Балтийского района, о том, что Гриша сейчас неизвестно где, якобы бомжует в Мурманске, если живой ещё.

Судья, конечно, высказалась в том смысле, что пить нужно меньше и думать о том, что подписываешь. А если под угрозой, то почему в милицию сразу не обратился? Как он докажет, что ему угрожали, что он денег не получал?

Я, в свою очередь, высказал своё сомнение в получении Гришей трёхсот тысяч, поскольку пропить такую сумму он физически не мог, а каких-либо следов этих денег нигде не видеть. Да и трудно поверить, что нормальный человек алкоголику такими деньгами карманы набьёт и без сопровождения в Мурманск отправит без гарантии, что его там встретят. С похмелья же Гриша мог что угодно подписать за бутылку или за какие-нибудь реальные деньги.

- Но я, конечно, понимаю, что все эти рассуждения сами по себе доказательной силы не имеют. Тут юрист толковый нужен, чтобы оценить ситуацию...

- Вам нужен адвокат. И не просто толковый, а зубастый, чтобы их не боялся, - произнесла вдруг судья интересную фразу. - У нас завтра не приёмный день, а приходите утром послезавтра, в пятницу. Я Вам кого-нибудь порекомендую.

Значит, не безнадежным дело считает? Склонна поверить, что тут дело, действительно, нечисто?

Так или иначе, мне ничего не оставалось кроме как ждать до пятницы.

Я поехал в кирху, пообщался там с Шагмуратовым, Надеждой Тепеничиной и Галиной Якимовой по поводу их данных о полном электронном содержании, Феде Бессарабу их картинки показал, где хорошо виден наш среднеширотный максимум, и к Гуле зашёл – директору агентства недвижимости «Победа», что на первом этаже кирхи, которая мне в прошлый раз Тамару Александровну как Кузину вычислила. Рассказал ей о своём визите к судье и договоре, который подписал Гриша. И поинтересовался, не порекомендовала бы мне она, в свою очередь, хорошего адвоката с тем, чтобы потом продать квартиру через своё агентство.

Про Дерябину Гуля заметила, что эта дама ещё похлеще Кузиной будет. А что касается адвоката, то тут нужен человек, который будет работать вместе с судьей. Квартиру отсудить адвокаты берутся обычно за хороший куш, до половины её стоимости. Лучше иметь дело с адвокатом, которого посоветует судья. Есть вероятность, что они между собой договорятся. Так что она советует сначала встретиться с тем, кого порекомендует судья, а там уже по ситуации действовать.

До пятницы у меня оставался целый свободный четверг, с утра которого я поехал в Гурьевск, разбираться с участком в Отважном, где мы с тобой, сынуля, помогали деду Андрею соорудить сарай. Побывал в местном БТИ и земельном отделе администрации района, где выяснил, какие запросы и куда я должен подать. Но нужный мне человек был в отпуске и возвращался на следующей неделе, так что с участком дело пришлось отложить.

В пятницу с утра я отправился к судье Кузнецовой и оказался у входа в суд одновременно с ней, обогнал её и стал ждать у входа в кабинет. Она меня опознала, мы поздоровались, но в кабинет она меня не пригласила. Я остался ждать на скамейке в коридоре, а в кабинет Кузнецовой прошла какая-то дама и пробыла там минут пятнадцать, уже открыла дверь, чтобы выйти, но вернулась обратно, и они там ещё о чём-то оживлённо говорили, явно, как хорошо знакомые люди. Наконец, дама вышла из кабинета и обратилась ко мне:

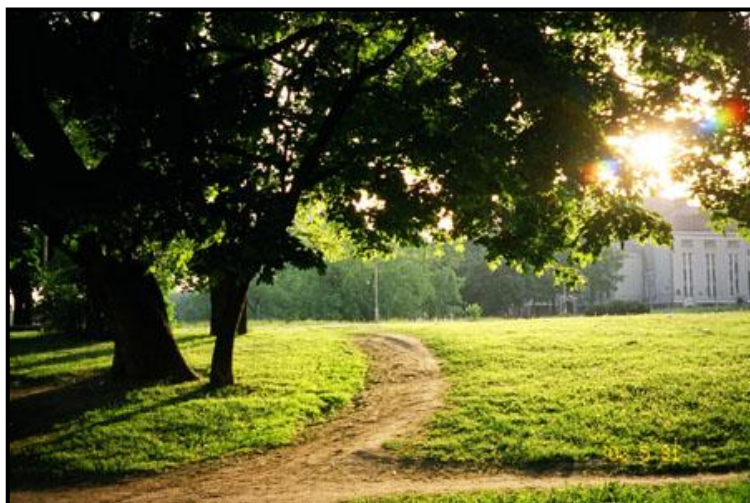
- Вы Намгаладзе?

- Да.

- Я – адвокат Анянова Нелли Серафимовна. К сожалению, я не могу сегодня Вами заниматься, меня ждёт машина, и весь день у меня занят. Если Вы можете задержаться здесь до понедельника, до позвоните мне сегодня вечером вот по этому телефону, и мы договоримся о встрече.

Я вообще-то собирался уезжать поездом в субботу или воскресенье, так как пятого июня у меня экзамен, а четвёртого консультация. Но самолётом я успевал, даже если улечу во вторник или среду. И я пообещал позвонить вечером, чтобы договориться на понедельник.

Из суда я рванул напрямик в Светлогорск, где провалялся остаток дня на пляже и обгорел.

По маршруту моих утренних пробежек вокруг Нижнего озера, 31 мая 2003 г.

А на следующий день, в субботу, я опять поехал в Светлогорск, в этот раз с Алексеем, по предложению Ирины, у которой в этот день был платный приём с утра в Светлогорске. Мы поехали позже и навестили Ирину в поликлинике, где в очереди к ней толпилось много народу. Договорились с ней о месте встречи на пляже и отправились в тир, пострелять в котором было главной Алёшиной задачей поездки (а второй задачей – поесть в кафе чего-нибудь вкусенького).

В тире Алексей продемонстрировал высокий класс владения всеми видами оружия, несмотря на свои мелкие габариты (лук был с него ростом; длины Алёшиной руки едва хватало, чтобы дотянуться до курка ружья, если приклад, как положено, упирается в плечо; а пистолет – по виду и весу настоящий «макаров»). Алёша дважды стрелял из лука (по три стрелы) и очень метко (в молоко ушла только одна стрела, а одна попала на границу «яблочка») и по пять выстрелов из ружья и пистолета по бутылкам и мишени, и тоже неплохо.

После тира мы спустились на пляж, где Алёша уснул (не выспался, наверное, потому что утром рано встал смотреть солнечное затмение), а я загорал в футболке, поскольку был обгоревши, да и нежарко было, несмотря на ясную погоду: с моря задувал свежий северный ветерок. Часа в два дня нас нашла Ирина, посидела с нами, не раздеваясь, подождали, когда Алёша проснётся, и отправились наверх, в центр города, где Алёша реализовал вторую свою задачу – поесть вкусенького, то есть гамбургеров,

ну и мы с ним подкрепились заодно на свежем воздухе за столиком под тентом. Я пивка попил с удовольствием. В части перекусить сейчас в Светлогорске всё почти по-европейски.

В Светлогорске, 31 мая 2003 г.

Не спеша, мы дошли до вокзала и обнаружили, что сейчас отправляется электричка до Калининграда, а взять билеты в кассе мы не успеваем. Ирина решительно потащила нас в последний вагон, уверяя, что билеты в поезде взять можно будет. Ни фигя подобного. Нас оштрафовали. Но мы не очень расстроились.

Вернувшись домой, я позвонил Толе (Анатолию Францевичу) Лаговскому, бывшему нашему соседу ладушкинскому, соратнику по борьбе с Гостремом, работавшему в те времена в обсерватории, а ныне завкафедрой автоматизации в Калининградском университете. Мы не виделись с тех пор, как я уехал в Мурманск, то есть лет пятнадцать уже, а Толя, встречая Иринку, каждый раз просил её передать мне, чтобы я позвонил ему, когда появлюсь в Калининграде.

Я позвонил, а мне его жена Нина говорит, что Толя спит поле рыбалки. Когда это он рыбаком заделался? Что-то не припоминаю за ним столь близкого мне увлечения. Я спросил Нину:

- Ну, и как улов?

- Да сегодня хуже, чем обычно. Но на уху наловил.

Через некоторое время Толя проснулся и позвонил мне сам, пригласил на уху в воскресенье.

А с утра в воскресенье я предложил Алёше поехать на Голубые озёра, и он мне ответил:

- Я бы с удовольствием, но мы в гости сегодня идём на день рождения племянницы тёти Нади Тепеничиной.

- Я тоже сегодня в гости иду, и к обеду мы вернёмся.

- Тогда поехали.

И мы провели первую половину воскресенья на Голубых, где я открыл купальный сезон. Вода градусов восемнадцать, чистая и приятная. Возвращаясь, на остановке автобуса у Голубых встретили Суроткина, ездившего на свой огород. Мы с ним посеминарили в автобусе, у меня картинки с собой шагимуратовские оказались.

А вторую половину воскресенья я провёл в гостях у Лаговского. Первым делом, конечно, я поинтересовался, где и чем он рыбачит. Оказалось, на Прегеле, в районе Ушаково (это выше Марьино, но на том же берегу, в сторону Гвардейска). Ловит спиннинговыми донками плотву и подлещиков на опарыша. И снасти мне показал на балконе: целый мешок телескопических спиннингов с безинерционными катушками, и ухой из самоловленной рыбы угостил, после чего я окончательно убедился, что Лаговский, действительно, стал рыбаком. Вчера же рыбалка была менее обычного удачной, по мнению Толи, из-за солнечного затмения, сбившего рыбу с толку.

У Лаговских, 1 июня 2003 г.

В понедельник с утра я отправился на встречу с адвокатом Аняновой, предварительно созвонившись с ней. Встречу она назначила в юридической консультации Ленинградского района, что на Литовском валу напротив «Тысячи мелочей», а сама оказалась заведующей этой консультацией.

(продолжение следует)

Моё письмо Мите от 9 июня 2003 г.

Здравствуйте, дорогие Митя и Леночка!

Вчера поздно вечером, вернувшись с безрезультатной рыбалки в Шонгуе (открывал сезон и замёрз как цуцик, три градуса тепла всего), я позвонил маме во Владимир, и она рассказала мне о телефонном разговоре с Леночкой, о проблемах с её здоровьем.

Вспоминаю, как мне делали УЗИ в прошлом году, и врач диктовал медсестре, глядя на экран: «Неэзогенное (мне послышалось онкогенное, но Ирина говорит, что, скорее, неэзогенное) образование в правой почке». Так и живу с ним. Киста, говорят. Но неприятно было услышать. Понимаю теперь ваши переживания.

Главное – не унывать. Отец Ианнуарий цитировал мне в своих письмах Соловьёва: «Есть только один смертный грех – уныние». Вспоминаю ещё Валеру Ваганова с его любимым изречением: «Жизнь –

борьба». В том числе и с болезнями. Ничего не поделаешь. Господь и не такие испытания посылает, но он же и силы их преодолеть даёт.

Вы не одни, мы с вами. Вместе мы справимся с любыми болячками.

Чтобы отвлечь вас от тревожных мыслей, прилагаю неоконченное письмо, которое я начал 6-го июня, как отчёт о поездке в Калининград с подробным описанием моего участия в криминальной Гришиной истории, увы, ещё не завершённой, но уже перешедшей в стадию судебного разбирательства.

Мы с мамой крепко вас целуем, мысленно с вами, готовы к любой помощи, включая финансовую.

Папа, мама.

9 июня 2003 г., Мурманск

Сашуля вчера сообщила мне по телефону, что у Леночки обнаружили новообразование в груди.

Это нам всем испытание.

В письме Мите я не стал писать о том, что рассказывал мне Лаговский. У них младшая дочь, Наденька, умерла от опухоли мозга, не дожив до девятнадцати лет. Пять лет они боролись с болезнью, от которой умерла моя мама. Вот такое им пришлось пережить.

А у старшей дочери, Юли, которую я хорошо помню ещё с ладушкинских времён, двое детей: семилетняя дочка, которую я застал у Лаговских, и семимесячный сын, по поводу которого Юля консультируется у Ирины.

И ещё Лаговский рассказал про Костю Латышева, женившегося во второй раз и решающего те же проблемы, что и с первой женой – на что выпить. Пьёт он по-прежнему много (бутылка водки и трёхлитровая банка пива ему на раз якобы требуются), но выглядит полной развалиной. Сам же Лаговский только потолстел весьма, как и Кореньков, которого Нина теперь называет его старой альпинистской кличкой «Кабан», и которая вполне соответствует его нынешнему внешнему виду.

Письмо Мити от 10 июня 2003 г.

Привет!

Спасибо за слова поддержки и предложение о помощи. Мы сами надеемся на лучшее. На выходные заканчивали разборки в квартире (у нас и понедельник был выходным). Ездили также на велосипедах на Райхенау, а в воскресенье ходили в гости к Мари, где был также и Андрей Гарбуза (а Майкл пока в Америке).

Папа, сообщи, пожалуйста, номер твоего валютного счета, куда мы могли бы перевести деньги, взятые в долг в Тамбове (1900\$). У нас сейчас есть достаточные накопления, чтобы его отдать. В какой валюте вы предпочли бы получить его?

Крепко целуем.

Митя, Лена.